

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ЕГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования и эволюции правопонимания на различных исторических этапах государственно-правового строительства в России в течение раннего (X—XIII вв., Киевская Русь) и позднего (XIV—XVI вв., Московское государство) Средневековья. В правоведении имеются свои особенности образования понятий и их терминологического обозначения, без понимания которых трудно объективно выяснить содержание нормативных актов и политико-правовых учений.

В статье показаны изменения, происшедшие с принятием Русью христианства в X в. (988 г.) и усвоением православной религиозной философии, догматики вероучения, обрядовых правил богослужения и соответствующей всем этим понятиям терминологии. В связи с этим произошли значительные изменения в самом понятийном аппарате законодателей и мыслителей, как и в сознании всего древнерусского общества. Согласно византийской религиозной традиции термином «закон» обозначались понятия высокого порядка: закон Бога, законы Ветхого и Нового Заветов, законы Иисуса Христа, законы Вселенских соборов и т.п., но вместе с тем в византийской политической практике встречается и употребление термина «закон» в обобщенном юридическом значении — законы императоров.

Поскольку на Руси до принятия христианства в течение длительного времени словом «закон» обозначались конкретные правила поведения, за нарушение которых предусматривалась материальная и физическая ответственность, возникает некоторая особенность в дальнейшей уже христианской его интерпретации, под влиянием которой термин «закон» расширил объем своего содержания за счет сакральной мотивации, но при этом не утратил окончательно и привычного юридического значения. Складывающаяся постепенно правоприменительная практика привела к совмещению в понятии «закон» широкого (нравственно-религиозного) и узкого (юридического) содержания, придав ему значение, соответствующее обоим смыслам.

Ключевые слова: правопонимание, правосознание, правосудие, судоустройство, судопроизводство, традиции, обычаи, закон, правда, право, справедливость, истина, благодать; неправда, несправедливость, беззаконие.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.043-067

¹ Статья является продолжением статьи «Историческое и современное значение политико-юридической терминологии», в которой рассматривались термины, характерные для обозначения понятий в государствоведении (см.: Lex Russica. 2016. № 10. С. 202—230).

© Золотухина Н. М., 2018

* Золотухина Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор Российского государственного университета правосудия
nzolotuhina@list.ru
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Трудно назвать другую историческую эпоху, применительно к которой односторонность достигала бы таких поистине гомерических размеров, как Средневековье.
А. Я. Гуревич

Для получения представления о процессе формирования правовопонимания необходимо выяснить значение терминов, которыми обозначались юридические понятия, а также установить эволюционные изменения, происходившие в их семантике на различных исторических этапах государственно-правового строительства. В правоведении, как и в государствоведении, имеются свои особенности в образовании понятий и их терминологическом выражении, без понимания которых трудно, а подчас и невозможно объективно понять нормативные акты, регулирующие общественные отношения в раннее и позднее Средневековье, так же как и содержание политико-правовых учений, предшествующих их принятию, а впоследствии сопровождающих их дальнейшее развитие: легитимирующих их или подвергающих критике. Юридические понятия и соответствующую им терминологию необходимо анализировать в сочетании с исторической, социальной и политико-юридической обстановкой, в которой они формировались.

В настоящей статье подвергается анализу понятийный аппарат мыслителей и законодателей всего отечественного Средневековья: раннего (XI—XIII вв., Киевская Русь) и позднего (XIV—XVI вв., Московское государство), в связи с чем возникает необходимость охарактеризовать (насколько позволяет объем статьи) политико-юридическую ситуацию, в которой он возникал и развивался, особенно учитывая дискуссионный характер темы.

Так, относительно Киевской Руси (X — первая четверть XIII в.) оспариваются сроки возникновения государственности, легитимность и всеобщность законодательства, уровень культуры общества того времени. Например, Д. Х. Кайзер вообще сомневается в возможности «назвать Киевское управление государ-

ством, а Русскую правду законодательством», рассматривая ее не как официальный сборник законов, а как объединение разрозненных частных княжеских приказов. К тому же основой всех действующих в обществе нормативных правил Д. Х. Кайзер считает «мстительное (revenge) начало», лишенное социальных характеристик².

И. Мейендорф признает наличие культурных традиций в Киевской Руси, но при этом полностью лишает самобытности все ее достижения: искусство, литературу, законодательство и политическую мысль, считая их «простым сколком византийской культуры»³. Подобные суждения далеко не единичны⁴. Домонгольская Русь в западноевропейской историографии обычно характеризуется как варварская страна, в которой «божественные апостолы не проповедовали», а само Киевское государство нередко представляется в качестве вводного подготовительного периода к истории Московского государства, не имеющего самостоятельного государственно-правового значения.

Монгольское нашествие действительно способствовало перемещению центра русской государственности на северо-восток, но это обстоятельство не лишает самостоятельной ценности и государственного статуса Киевскую Русь, существование которой продолжалось более трех веков.

Политическая организация (форма правления) в ней сложилась в виде монархии, возглавляемой великим киевским князем, опиравшимся в своей деятельности на совет, состоящий из княжеской дружины и «старцев градских», под которыми понимается племенная знать, проживавшая в городах⁵; после принятия христианства в совет при великом князе стали приглашаться и высшие чины духовен-

² Kaiser Д. Н. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton Univ. Press., 1980. P. 399—400.

³ Meyendorff I. Byzantine and the rise of Russian relations in the fourteenth century. Cambridge, 1981. P. 198—199.

⁴ См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме М. : Эсмо, 1993. С. 43—57. См. также: Зарубежная историография русской государственности : научно-аналитический обзор / отв. ред. Н. Н. Разумович. М. : АН СССР, 1982. На настоящее время особых изменений в оценках Древнерусского государства и права не наблюдается.

⁵ См.: Мавродин В. П., Фроянов И. Я. Старцы градские на Руси // Культура средневековой Руси. М. : Наука, 1974. С. 30.

ства. Значительную роль в Древнерусском государстве играло вече, компетенция которого была достаточно широкой: на нем решались вопросы войны и мира, размеры налогов, сроки и порядок их взимания, наследственные споры между князьями, распоряжения земельной собственностью и денежными средствами, распределение значимых в военной, административной и судебной сферах должностей и т.п.

Археологические раскопки последних десятилетий показали, что на вече наряду с аристократией принимали участие представители всех сословий, более того, свое мнение они выражали не только «криком», как было принято считать ранее, а преимущественно в письменной форме, в виде берестяных грамот. Решение на вече принималось единогласием⁶.

Государственное устройство включало в свой состав несколько территориальных единиц, возглавляемых князьями, признававших себя вассалами великого киевского князя. Вассальные княжества имели такую же организацию власти, управления и суда в своих землях, как и в Киевском государстве⁷. Для решения вопросов, касающихся всего государства, собирались феодальные съезды, на которых в основном решались проблемы, касающиеся взаимоотношений центральной и местных властей, споров между князьями и международной политики. Таким образом, на Руси сложилась система власти, управления и административно-территориального устройства с явно выраженными демократическими принципами организации.

Принятие крещения в 988 г. ввело Русь в круг европейских государств⁸. «Христианство объединило Русь, которая становится мировой державой, а Киев — соперником Константинополя»⁹. Древнерусское государство достигло в своем развитии политического и культурного расцвета при князе Владимире (980—1015) и особенно при Ярославе Мудром (1019—1054).

Великий князь Ярослав Мудрый не только сам любил и ценил книги, но и принимал меры к тому, чтобы «насеять книжными словесы сердца верных (здесь в значении православных. — Н. З.) людей»¹⁰. На Русь вместе с приходом византийских миссионеров устремился поток византийской и южнославянской литературы, познакомившей русское общество с трудами античных мыслителей, писателей и поэтов, среди которых наибольшей известностью пользовались произведения Аристотеля (на Руси были известны «Этика» (в русском переводе «Нрав»); «Аристотелевы врата» — сборник отрывков из произведений Аристотеля и «Сказание о премудром философе Аристотеле»), комедии Менандра, басни Эзопа, поэзия Пиндара и др. С мировой историей читателей знакомили Хроники Иоанна Малалы (VI в.) и Георгия Амартола (X в.). Имели хождение также и различные византийские литературные сборники, как правило, содержащие поучения политического и этического содержания. Широкое распространение получил сборник под названием «Пчела»¹¹, включавший отрывки из Ветхого и Нового Заветов, и «Минеи Четьи», представлявшие собой ежедневное чтение

⁶ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. С. 51.

⁷ Летописец Нестор в «Повести временных лет» характеризует Киевское государство как единое, объединенное властью киевского князя, которого он называет «единодержцем земли своея». В современной литературе существует точка зрения, согласно которой понятие «раннефеодальная монархия», часто употребляемое в исторической литературе для характеристики формы правления в Киевском государстве, является недостаточным для определения вассальных отношений между киевским князем и князьями — его вассалами. В настоящее время некоторые ученые предлагают рассматривать государственное устройство Древней Руси как федерацию при монархической форме правления (см.: Момотов В. В. Формирование русского средневекового права IX—XIV вв. М.: Зерцало, 2003. С. 90—92).

⁸ См.: История суда и правосудия в России / колл. монография. М.: Норма, 2016. С. 139—150 (разд. II, гл. 7 «Становление и развитие государства, законодательства и правосудия»; автор § 1 гл. 7 — С. А. Колунтаев).

⁹ Лихачев Д. С. Тысячелетие культуры // Альманах библиофила. № 26. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988—1988). М., 1989. С. 6.

¹⁰ Повесть временных лет / пер. М.: Наука, 1950. Т. 1.

¹¹ Даниил Заточник расшифровывал это название («Пчела») следующим образом: «Аз бых аки пчела, падая по разным цветам, совокупляя медвенный сот; тако и аз по многим книгам собирая сладость словесную и разум, и совокупих аки в мех воды морские» (Слово Даниила Заточника по редакции XII в. // Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам / подгот. к печати Н. Н. Зарубиным. Л.: АН СССР, 1932. С. 33).

для христианина, знакомившее его с житиями и подвигами прославленных христианских святых. Известны также Изборники, содержащие различные «Княжеские зерцала» — поучения византийских философов, написанные для наставления византийских императоров, а также произведения знаменитых отцов церкви: Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Дамаскина, Анастасия Синаита. Целью таких Изборников являлось введение новообращенных христиан в круг идей и представлений византийской книжности для овладения ими сложной вероучительной догматикой православной конфессии христианства. Среди произведений на политические темы особую известность приобретает «Наставление» — «Поучение» дьякона Софийской церкви Агапита, посвященное императору Юстиниану I (VI в.).

Была известна в Киевской Руси и литература юридического содержания. Древнерусский читатель был знаком с Номоканонами, Эклогой, Прохионом, Эпанагогой, а также законодательством отдельных императоров. Византийские юридические источники права распространялись в виде рукописных сборников, переведенных на русский язык, и пользовались популярностью среди населения Киевской Руси и входящих в нее земель. Обретение письменности (X—XI вв.) привело не только к переписке и распространению рукописей, что само по себе очень важно, но и к разработке терминологии, свойственной христианской православной культуре, так как русским людям после принятия христианства очень важно было не только усвоить сложнейшую христианскую догматику, принятую Вселенскими соборами, но и понять терминологию, в которой она выражалась, а духовенству необходимо было также довести ее до сведения всех новообразованных христиан¹².

Широкое участие различных слоев населения в разнообразных формах обществен-

но-политической жизни содействовало развитию навыков устной речи, которая затем при оформлении ее в различные письменные варианты, в том числе и формулировки нормативных актов, показала высокий уровень политического и юридического мышления, достигнутый к тому времени законодателями и мыслителями.

Современное состояние научного знания позволяет более объективно проанализировать процесс формирования правосознания, начиная с самых его истоков; включая все составляющие его понятия и их терминологическое обозначение.

В Древнерусском государстве наличествовала консолидированная база правового регулирования общественных отношений, состоящая из обычаев, законов, постановлений и распоряжений князей, представлявших в совокупности княжеское законодательство, которое венчал кодифицированный сборник законов, созданный при Ярославе Мудром — Русская Правда.

В эпоху Средних веков лексика и фразеология языка юридических актов и, соответственно, правовых доктрин имела особую терминологическую организацию. Сложное смысловое понятие могло обозначаться одним словом или группой слов, образующих формулу.

В. С. Нерсисянц в качестве ключевых «понятий в правопонимании в прошлой и современной юридической мысли» называет «право и закон»¹³. Если иметь в виду «прошлую юридическую мысль», то этот понятийный ряд, во-первых, явно недостаточен, поскольку к нему необходимо добавить еще и такие значимые для средневековой юридической мысли понятия и, соответственно, обозначающие их термины, как «*правда, справедливость, истина и Благодать*». Во-вторых, термин «право» появился в юридической теории не в «прошлые времена», т.е. в Средневековье, а уже в развитое Новое время¹⁴.

¹² Н. К. Гудзий, классифицируя всю распространенную в Киевском государстве письменность, выделил следующие ее составляющие: церковно-христианская, житийная, естественно-научная, патристическая литература, апокрифы и различные бестиарии (см.: Гудзий Н. К. История Древнерусской литературы. М. : Просвещение, 1953. С. 21—23). Политико-правовая составляющая в этой классификации полностью отсутствует, хотя она занимала солидное место в русле общей письменности, распространенной тогда на Руси. К сожалению, эта классификация получила большое распространение и в современных гуманитарных науках, причем не только в приложении к Киевской Руси, но и всему культурному наследию Московского государства.

¹³ См.: Нерсисянц В. С. Право и правовой закон. М. : Норма, 2009. С 3, 5.

¹⁴ Термин «право» начал употребляться в России значительно позднее, одним из первых к нему обратился Я. П. Козельский (XVIII в.), который направил князю А. А. Вяземскому, председателю Уложенной

Однако несмотря на многочисленные призывы к применению историко-аналитического подхода к изучению культурного наследия Средневековья как особой ступени в государственно-правовом развитии, до настоящего времени не выработано единого метода определения семантики ряда ключевых терминов понятийного аппарата средневековых мыслителей и, следовательно, не найдено адекватных ключей к раскрытию содержания обозначаемых ими понятий, посредством которых законодатели формулировали тексты нормативных актов, а мыслители — государственно-правовые идеалы.

Наибольшие сложности в достижении единства в оценках анализируемых юридических категорий заключаются, на мой взгляд, в следующем:

- отсутствие установления исторического содержания основных терминов понятийного аппарата средневековых законодателей и мыслителей и замена его современным значением. В области правоведения к таким терминам относятся: *обычай, закон, правда, истина и Благодать*;
- наличие сохраняющихся до настоящего времени различий в методиках, определяющих этапы развития русской государственности, каждому из которых соответствуют форма правления, политический режим и государственное устройство, оказывающие серьезное влияние на содержание нормативных актов и процесс их применения;
- недостаточное внимание к религиозно-философской и религиозно-догматической

обусловленности мировоззрения средневековых законодателей и мыслителей, являющегося базовой основой всех их представлений о государстве и праве;

- сохранение устаревших схем, касающихся социального состава, состояния общества: обязательность классового анализа как определяющего фактора в установлении позиций законодателей и авторов политико-правовых учений и, соответственно, содержания учений о праве и государстве.

Изучение традиций, сложившихся в процессе формирования правопонимания у отечественных законодателей и мыслителей представляет не только исторический, но и практический интерес, так как понимание такого сложного юридического процесса позволит глубже вникнуть в проблемы, стоящие и перед современными политической и юридической науками. Изучение истории образования юридических понятий и обозначающей их терминологии не исключает использования современными учеными метода актуализации, ориентированного на достижения научного уровня знаний XXI в., содержащего значительное количество новых методических приемов в качестве необходимых средств исследовательской работы.

Следует отметить, что в последние десятилетия историками и теоретиками права стало уделяться больше внимания процессу формирования понятий и обозначающей их терминологии с выяснением ее исторического содержания, в связи с чем начало постепенно преодолеваться предпочтение, оказываемое

комиссии, созданной Екатериной II в целях усовершенствования текущего и принятия нового законодательства, свои предложения, в которых рассмотрел вопрос о создании двух юридических наук: юриспруденции и легиспруденции. «Юриспруденция, — писал Я. П. Козельский, — есть знание всевозможных прав или правостей, философы называют знание употребительных (т.е. текущих. — Н. З.) законов юриспруденцией несправедливо, а лучше такое знание назвать легиспруденцией, то есть знанием законов, а не юриспруденцией, то есть знанием прав. Законы разнятся от права, потому что законы, хотя по большей части основаны на справедливости, но иные из них случаются основанные на несправедливости, например, закон, который позволяет пленника продать, купить, сделать рабом и содержать его произвольным образом, есть закон, хотя и не основан ни на каком праве, ни на справедливости; напротив того, право, какое бы оно ни было, только б право, а не криво, не может по существу своему иметь в себе никакой несправедливости» (*Козельский Я. П. Философические предложения // Юридические произведения прогрессивных русских писателей. М. : Юрид. лит., 1959. С. 354—355*).

Так, впервые в отечественной юридической литературе появляется терминологическое обозначение соотношения таких понятий, как «право» и «закон», с определением сущностного содержания каждого из них и взаимоотношений между ними. Право Я. П. Казельский предложил воспринимать как некую принципиальную сущность, нечто неизменное, справедливое и всеобщее, а законы — как нормативные акты текущего законодательства, которые всегда и во всех случаях должны соответствовать праву.

«современному знанию при анализе историко-правовых явлений прошлого»¹⁵; обращается серьезное внимание на применение методов семиотики, открывающей большие возможности в изучении исторической правовой среды, сопровождающееся толкованием смысла и раскрытием символов, различающихся в зависимости от умонастроений, распространенных в обществе, уровня образования, политических симпатий и т.п.¹⁶, а также на форму правления и политический режим, имеющих место в исследуемое время.

Историк права В. А. Рогов, перечисляя смысловой ряд терминов, обозначающих правовые понятия в древнерусской правовой терминологии, пропускает термин «правда», с чем невозможно согласиться, ибо он имел во многом ключевое значение для понимания юридического менталитета не только в Средние века, но и в более поздние эпохи, не утратив его и до настоящего времени¹⁷. В. А. Рогов утверждает, что только обычай сохранил неизменным свое значение до настоящего времени, кроме того, он считает, что в какой-то период своего существования обычай противоречил закону и не признавался государством, более того, «древнее значение термина “обычай” стоит вне всякой связи с государством и никак с ним не соотносится»¹⁸.

С этим утверждением трудно согласиться, поскольку из анализа текстов ранних юридических памятников: Договоров Руси с греками (911 и 945 гг.) явно следует, что эти Договоры заключались от имени двух государств (Руси и Византии), им придавалась юридическая сила, и обе стороны обязывались клятвой, гарантирующей соблюдение всех означенных в них требований. Представители Византии

клялись, ссылаясь на Номоканон, а Руси — на Закон Русский, который по своему содержанию представлял собой сборник обычаев, имеющих правовое содержание, т.е. их выполнение обуславливалось системой санкций, принятых в обществе и поддерживаемых государственной властью: штрафы, принуждение к определенным действиям в пользу потерпевшей стороны, возмещение ущерба в принудительном порядке и т.п.

И. И. Срезневский, рассматривая употребляемые в Древней Руси слова «обычай», «закон» и «покон», пришел к выводу, что содержание обозначаемых ими понятий на первом этапе формирования правовопонимания было синонимичным по своему смысловому значению несмотря на терминологическое различие¹⁹. Современный исследователь Ю. С. Степанов подтверждает вывод И. И. Срезневского, отметив, что в ранних летописях слова «закон», «обычай» и «покон» употреблялись как синонимы, а автор «Повести временных лет» в понятие, обозначаемое термином «закон», включал «обычай и предания предков»²⁰.

С принятием христианства в X в. (988 г.) Киевская Русь получает разработанную религиозную философию, догматику православного вероучения (утвержденную Вселенскими соборами), обрядовые правила богослужения и соответствующую всем этим понятиям терминологию. В связи с этим происходят значительные изменения в самом понятийном аппарате законодателей и мыслителей, как и в представлениях всего древнерусского общества. Согласно византийской религиозной традиции термином «закон» обозначались понятия высокого порядка: закон Бога, законы Ветхого и Нового Заветов, законы Иисуса

¹⁵ Рогов В. А. «Закон» и «обычай» в древнерусской правовой терминологии // Ежегодник истории права и правоведения. Femis. 2001. Вып. 2. С. 77—102.

¹⁶ Ячменев Ю. В. Правда и закон. Из истории российского правоведения. СПб. : МВД России ; СПбГУ, 2001. С. 11—12.

¹⁷ См.: Поляков А. В. Общая теория права. СПб. : СПбГУ, 2001. С. 293—294. См. также: Ячменев Ю. В. Указ. соч. С. 70—71.

¹⁸ Рогов В. А. Указ. соч. С. 78.

¹⁹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 921—922 ; Т. 2. Стб. 1111.

В Словаре русского языка XI—XVII вв. сказано: «Поко́н — греч. обычай; закон, основанный на обычае». Приводится пример из Ипатьевской летописи: «Мы же кляхомся... по закону и по покону языка нашего». Встречается и второе значение слова покон: «покон вирный — установление, по которому определяется размер натурального или денежного взыскания в пользу княжеских сборщиков судебных пошлин (вир)» (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М. : Наука, 1990. Вып. 16. С. 168).

²⁰ См.: Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 436.

Христа, законы Вселенских соборов, но вместе с тем в византийской политической практике встречается и применение термина «закон» в обобщенном юридическом значении — законы императоров.

Поскольку на Руси в течение длительного времени под словом «закон» понимались конкретные правила поведения, за нарушение которых предусматривалась материальная и физическая ответственность, возникает некоторая особенность в дальнейшей уже христианской его интерпретации. Термин «закон» расширил свой объем за счет усвоения сакрального содержания, но при этом не утратил окончательно и привычного конкретного юридического смысла, дополнительно приобретая широкие нравственные характеристики, свойственные этике христианского вероучения. Складывающаяся постепенно практика правоприменения привела к совмещению в понятии «закон» широкого (нравственно-религиозного) и узкого (юридического) содержания, придав ему значение, соответствующее обоим смыслам.

При характерной для Средних веков нерасчлененности теологических, юридических и нравственных категорий возникло некое соединение, в котором сакральное понятие божественного закона предполагает и его нравственную мотивацию (Новый Завет), не исключая и юридическое содержание, априори предполагавшее юридическую ответственность.

Мнение В. Я. Дерягина о том, что после принятия христианства «термин “закон” исчезает, поскольку закон не православное слово, заменяясь термином “правда”»²¹ представляется необоснованным. В XI в. уже при значительном распространении христианства властные распоряжения властей, предназначенные для реализации их в обществе, действительно в большей степени стали обозначаться термином «правда», однако в книжной и бытовой сфере сохраняются оба слова: «закон» и «правда». Термин «закон» получил более высокий статус как непосредственно содержащий веления Бога, по сравнению с «правдой», которая стала восприниматься как часть этого высокого закона, предназначенная для реализации божественной справедливости на земле наместниками Бога, носителями верховной власти в обществе («сопричастниками Божественного царства»), в их постановлениях, ре-

шениях и распоряжениях, называемых «княжеской правдой». В общественном мнении утвердилось представление об обязательном соответствии содержания «княжеской правды» божественным законам, придававшим распоряжениям и постановлениям властей как бы освященную Высшей божественной волей справедливость, правомерность, незыблемость и всеобщность.

Слово «правда» давно было известно на Руси. Словарь русского языка XI—XVII вв. приводит семнадцать наиболее распространенных его значений, и среди них достаточно часто встречаются слова с юридическим содержанием: старое право судить, свод законов, оправдание. В словаре указывается, что особенность термина «правда» и всех производных от него слов заключалась в присущем им одновременно философском и юридическом содержании: истина, справедливость, правдивость, честность. Неправда толкуется тоже как юридическое понятие — нарушение закона, постановлений и распоряжений власти, но с добавлением порицания за преступление нравственных правил. Отсюда «неправдывать» — преступать закон, т.е. совершать преступление, воспринимается одновременно и как совершение несправедливого, безнравственного поступка.

И. И. Срезневский обратил внимание на исторически сложившуюся многозначность понятия «правды», рассмотрев наиболее употребляемые его значения в древнерусском языке: *истина* — отсутствие обмана («целовать крест в правду», «поступать по правде»); *справедливость* — «в правду» — справедливо («а знает Петр митрополит правду, и судит и управляет люди своя в правду»); «дать правду» — относиться справедливо (Кирилл Туровский); *добродетель* — совершение добрых дел, одновременно и праведность; *правость* — правота; доброе имя, честность; *обет, обещание*; «грамоту напиши с правдою» (Владимир Мономах. «Поучение»); *присяга* — приводить к правде; дать правду по своей вере; *постановление* в правду, как следует по правилу (Русская Правда); *свод правил, законы* — «и сию правду положи перед ними» (Исх. 21:1); «Судити им у князя на сенях, взирая в правду по крестному целованию, а если не будут судить в правду, ино Бог им будет судьей» (Псковская судная

²¹ Дерягин В. Я. Иларион. Жизнь и «Слово» // Иларион. Слово о Законе и Благодати. М. : Скрипторий, 1994. С. 8.

грамота); *договор* — «такую правду написали, которую правдою быти русину в Риге и Готском берегу, тою же и немцам на Смоленске» (Смоленская грамота 1262); «Изяслав же взя с ними мир на всей правде своей»; дать правду — удовлетворить судом иск (независимо от исхода дела); отсюда праведно — справедливо, «судите праведно» (Изборник, 1073)²².

Максим Грек уже в XVI в., обращаясь к великим князьям, поучал их: «рассужать» (судить) правомерно (по закону) и справедливо (по истине, т.е. в соответствии с христианской нравственностью)²³.

И. И. Срезневский утверждал, что веками складывавшееся понятие «правда», обозначаемое соответствующим звуковым комплексом, настолько многозначно по своему содержанию, что его этимология исключает простое толкование²⁴. Поэтому представляется невозможным сводить ее содержание к какому-либо однозначному толкованию, которое часто встречается в определениях, даваемых этому термину советскими и российскими учеными. Так, А. Л. Саккетти предложил понимать «правду» как распространенное в средневековом обществе представление о «соответствии награды и наказаний»²⁵; А. И. Клибанов — как «осознание основного классового антагонизма»²⁶; М. Н. Громов — только в значении «справедливого суда»²⁷. Недостаточной является и характеристика «правды» как «совокупности правовых норм», данная Л. В. Черепниным²⁸, равно как и предложенное Н. В. Сеницыной отождествление правды с законом²⁹.

Каждое из этих смысловых значений может быть лишь одним из аспектов общего понимания «правды» средневековым человеком. При этом следует отметить, что сложное восприятие этого понятия и обозначающего его термина сохраняется не только на протяжении всего Средневековья, но и в более поздних эпохах, дожив и до настоящего времени.

А. Я. Гуревич, исследуя средневековую юридическую лексику в государствах Западной Европы, заметил определенное сходство в терминологических обозначениях соответствующих понятий у всех стран, принадлежащих к христианской цивилизации: он находит весьма похожим по содержанию и значению термину «правда» скандинавский термин «Lag или Log», который «буквально обозначал право, закон — то, что положено, уложение», отмечая, что право воспринималось как основа человеческого общежития. «Страна строится правом и разоряется отсутствием права» — гласила поговорка, имевшая силу правовой максимы. На народных сходках — тингах знатоки «говорили право». Учинить иск значило «добиваться права», а вынесение приговора в суде было «присуждением права». Таким образом, совокупность значений терминов «Lag-Log» охватывала всякую упорядоченную связь в мире. Это понятие, по-видимому, содержало и позитивную (здесь в значении юридическую) и моральную оценку такой связи. Право — основа и неотъемлемая черта миропорядка. Правопорядок и миропорядок почти синонимы. Право — благо, которое надо сохранять и беречь³⁰.

²² Срезневский И. И. Указ. соч. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1353—1354.

²³ Максим Грек. Сочинения. Казань : Казанская Духовная академия, 1860. Ч. 2. С. 338—346.

²⁴ Максим Грек. Указ. соч. Т. 2. Стб. 1353—1354.

В «Толковом словаре» В. И. Даля, ориентированном уже на современный для середины XIX в. язык, также обращается внимание не только на юридический аспект термина «правда», но и на его совместимость с понятием «справедливость»: «Правда — справа, расправа, тяжба, суд справедливый — правильный, законный, по правде, по совести, по правоте; правда — правосудие, справедливый судья — творящий правосудие, идущий по правде, неподкупный» (Даль В. И. Толковый словарь. М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. С. 399).

²⁵ Саккетти А. Л. Политическая программа И. С. Пересветова // Вестник МГУ. 1951. № 1. С. 111.

²⁶ Клибанов А. И. Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова // Исторические записки. № 99. М., 1977. С. 222—223.

²⁷ Громов М. Н. Максим Грек. М. : Мысль, 1983. С. 10.

²⁸ Черепнин Л. В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов // Вопросы истории и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 211—212.

²⁹ О работе Н. В. Сеницыной «Общественно-политические взгляды Федора Карпова. Рукопись» см.: Клибанов А. И., Корецкий В. И. Послания Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (далее — ТОДРЛ). М. : Л., 1961. Т. 17. С. 219.

³⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. С. 169—170.

А. Я. Гуревич находит аналогичное толкование «правды» и в древнеанглийских памятниках, в которых термин «gaît» объемлет понятия закона, справедливости, обычая, права, причем последнее — в широком и в более узком смысле, как право вообще и как персональное право, статус индивида³¹.

Наличие подобной синонимичности в юридической терминологии разных государств А. Я. Гуревич объясняет характерным для стран христианской цивилизации восхождением к одним и тем же основополагающим источникам: Библии (Ветхий и Новый Заветы), в особенности посланиям апостола Павла; добавим еще — и к толкованиям библейских и новозаветных текстов отцами церкви. На основании этого корпуса литературы человек, исповедующий христианство, усвоил основной религиозно-философский постулат о том, что законы создаются не людьми, а являются божьим установлением (*lex est donum Dei*), поэтому человек, ставший христианином, уже не *homo naturalis*, а *homo Christianus*, соединенный с Богом и всем человечеством³².

В православной конфессии христианства большое значение отводится божественной благодати, которая даруется человеку без каких-либо заслуг с его стороны, только по божественному повелению. Она представляет собой дар Бога людям, даваемый им по их вере в Иисуса Христа. Спасение через благодать знаменует как бы второе рождение, получаемое человеком при крещении, но условием сохранения благодати и достижения спасения в дальнейшей жизни является вера в Бога, основанная на свободном выборе³³.

Для сохранения дара благодати необходимо исполнение всех христианских обязанно-

стей, главной из которых является добродетель, ибо «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2:17). Благодать просвещает человека, «путеводит его», «доставляя ему познание божественной истины», направляя на путь добродетельного поведения. Сохранение благодати полностью зависит от заслуг человека и его нравственного совершенства, при отсутствии которых он благодати лишается³⁴.

Благодать, таким образом, является одновременно божественным даром и путем постижения Истины. Согласно православной традиции толкования Истины «Истина есть Христос», и мера нравственного совершенства заключается в уподоблении Ему, восприятию Его совершенного нравственного учения, главными требованиями которого являются: любовь к Богу до самозабвения и к ближнему до самопожертвования. Таким образом, под Истиной понимаются заповеди Иисуса Христа, для постижения и исполнения которых человеку и даруется благодать.

В определении теоретического значения понятий закона, Истины и благодати между современными учеными существуют серьезные различия. А. Ф. Замалаяев противопоставляет благодать Закону, утверждая, что «благодать и закон не только противоположны», но «исключают друг друга»³⁵. А. И. Макаров, соглашаясь с противопоставлением этих категорий, тем не менее находит и «линию преемственности между Законом, Евангельской благодатью» и Истиной³⁶. Напротив, А. Н. Ужанков³⁷, Т. А. Сумникова³⁸, Л. И. Сазонова³⁹, В. А. Рогов и Л. В. Поляков⁴⁰, В. Я. Дерягин⁴¹ считают «Истину» и «благодать» синонимами.

³¹ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 171—172.

³² Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 175.

³³ См.: *Архиепископ Платон (Игумнов)*. Сокращенное изложение догматов веры по учению православной церкви. М. : Московская патриархия ; изд-во Лествица, 1999. С. 123.

³⁴ *Христианство : энциклопедич. словарь / под ред. С. С. Аверинцева и Ю. Н. Попова*. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. Т. 3. С. 332—335.

³⁵ *Замалаяев А. Ф.* Философская мысль в средневековой Руси. М. : Наука, 1987. С. 111.

³⁶ *Макаров А. И.* Нравственные воззрения Илариона Киевского // *Альманах библиофила*. Вып. 26. С. 81.

³⁷ См.: *Ужанков А. Н.* Из лекций по истории русской литературы XI—XVII вв. М. : Инженер, 1999. С. 55.

³⁸ См.: *Сумникова Т. А.* Предисловие // *Хрестоматия по древнерусской литературе*. М. : Высшая школа, 1974. С. 29 ; *Она же.* Вступительная статья к публикации памятника // *Идейно-философское наследие Илариона Киевского : сб. ст. / пер. и комм. Т. А. Сумниковой*. М. : Ин-т философии АН СССР, 1986. С. 13—41.

³⁹ *Сазонова Л. И.* Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // *ТОДРЛ*. 1974. Т. 27. С. 38.

⁴⁰ *Поляков Л. В.* Метод символической экзегезы в «исторической теологии» Илариона // *Идейно-философское наследие Илариона Киевского*. Т. 2. С. 76.

⁴¹ *Дерягин В. Я.* Комментарии // *Иларион. Слово о Законе и Благодати*. С. 112.

Согласно евангельскому толкованию термины «Истина» и «благодать» не являются ни синонимами, ни антонимами, и ни один из этих терминов не находится в такой же связи с законом. Благодать дарована людям в качестве помощи, оказываемой им на пути постижения Истины, для «путеводительства» теми людьми, которые уже начали постигать веру, чтобы они окончательно утвердились в вере в Иисуса Христа, восприняли его учение и стали Его верными последователями. Истина не может быть утрачена никогда, поскольку ее сущность и бытие не зависят от человека; благодати же человек может лишиться, если не станет выполнять все заветы Иисуса Христа. При сопоставлении таких понятий, как «благодать» и «Истина» или «благодать» и «закон», смешиваются представления о пути достижения цели и непосредственно сама цель, поэтому всякое противопоставление или их совмещение представляются необоснованным расширением смысла евангельского текста.

Одним из первых рассмотрел сущность всех этих понятий и их соотношение между собой киевский митрополит Иларион (XI в.) в первом политико-правовом трактате «Слово о законе и благодати»⁴², в теоретическом плане, но с выходом на их практическое применение по отношению как к носителю верховной власти, так и ко всем подвластным ему людям.

Поскольку трактат Илариона имел большое значение не только для современников, но и в последующие века, поскольку его основные положения цементировали все рассуждения о вере, правде, справедливости, законе, благодати и Истине, то без рассмотрения его основных положений трудно понять и все последующие рассуждения средневековых мыслителей и публицистов на данную тематику.

Согласно концепции Илариона, все правила поведения в человеческом обществе, какими бы терминами они ни обозначались, имеют единственный источник — волю Бога. В этом отношении сопоставление закона и Истины вполне правомерно, поскольку сравниваются однопорядковые величины: закон, пони-

маемый как совокупность правил поведения, обязательных для исполнения (их источником является Бог, проводниками — в человеческом обществе выступают Его земные наместники: государь, господин), и Истина — правила нравственного поведения, изложенные в Новом Завете, соблюдаемые добровольно. В обоих случаях речь идет о правилах поведения, но с разной степенью обязательности исполнения и ответственности за нее.

Иларион утверждал, что первоначальные законы были даны человечеству Богом, через пророка Моисея, а затем их дальнейшее развитие и реализация вручалась уже непосредственно наместникам Бога на земле — носителям верховной власти. Подчинение этим первичным законам предусматривало сохранение всего человечества на пути его «приуготования к познанию Истины»⁴³. Закон митрополит Иларион рассматривал как «предтечу и слугу Истины»; Истину он сравнивал со светом солнца, а закон — с отблеском Луны. «Бог положил закон на приуготование Истине и Благодати да обыкнет в нем человеческое естество, уклонится от многобожия и начнет в единого Бога веровать». Человечество как нечистый суд вначале омоется водой — законом и только после этого станет способным принять молоко благодати и крещения. Закон, таким образом, представлен в качестве переходящей категории, представляющей собой необходимую ступень к познанию Истины, а благодать и Истина — как категории, имеющие вечный статус, поскольку они служат «веку будущему и жизни нетленной»⁴⁴.

В этом сравнении впервые в юридическом плане дается сопоставление закона и нравственности в регулировании отношений людей в обществе с оказанием явной предпочтительности последней. Поскольку Истина открылась человечеству через благодать, то Иларион в своей концепции правопонимания выстроил схему ее постепенного восприятия человечеством: закон — благодать — Истина. Человечество подчиняется законам только до познания им Истины, ибо «Закон прежде стал

⁴² Иларион. Слово о Законе и Благодати.

Современное богословское толкование этих понятий подробно изложено митрополитом Московским и Коломенским Макарием в его 2-томном труде «Православно-догматическое Богословие» (СПб., 1883; М.: Паломник, 1999). См. также: Христианство / под ред. С. С. Аверинцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 3. Приложение. С. 332—337; 552—553.

⁴³ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 31.

⁴⁴ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 31—33.

и вознесся в малом и отошел, вера же христианская, после придя, первойшей стала и распространилась на множество языков, и Христова Благодать всю землю объяла»⁴⁵. Иларион не отрицал значения законов, данных Богом Моисею, считая их необходимыми правилами поведения людей, поскольку они запрещали людям убивать, лгать, прелюбодействовать, лжесвидетельствовать, желать чужого имущества и т.п. Но их недостаточность заключалась, во-первых, в предназначении только для узкого круга людей — «племени Авраамова», в то время как учение Иисуса Христа распространяется на все народы, живущие на земле, независимо от их социального статуса и национальной принадлежности (эллыны они, или иудеи, или какие-либо другие народы). Во-вторых, ветхозаветные законы предназначались для регулирования поведения людей в земной жизни, а новозаветная Истина обращена к их духовному бытию не только в настоящем, но и в будущем, в потусторонней жизни.

Совершенство и новизна учения Христа заключаются в проповеди любви к Богу и людям и выполнении всех Его предписаний (заветов), призывающих людей к добродетели, подвигу служения Богу и людям. Познание Истины освобождает людей от подчинения законам, ибо восприятие нравственных правил евангельского учения и их исполнение полностью заменяют закон, в жестких предписаниях которого уже не будут нуждаться христиане⁴⁶. Люди, осененные даром благодати, воспринявшие учение Иисуса Христа, будут всегда поступать справедливо и нравственно, следуя Истине, ибо «Истина и есть Христос».

Определенная преемственность между законом и Истиной предполагается Иларионом, так как именно закон «приготавливает человечество» к восприятию и познанию Истины. На первоначальной ступени развития человечества ему необходим закон, поскольку сохраняет его земное существование, но его действие ограничено, и время его «отходит». Напротив, Истина, воспринятая человечеством через благодать, пребудет в веках, потому что она спа-

сает души людей, возводя их к совершенству и делая их достойными запечатленного в них образа и подобия Божьего и вечной жизни.

Но здесь имеется некоторая терминологическая тонкость, которую необходимо учитывать. Иларион понимает ветхий закон как заповеди Бога, начертанные Его перстом на скрижалях, данные Им Моисею, полагая, что при восприятии христианами Истины «ветхий закон» уже «отойдет», но митрополит сохраняет в своих теоретических рассуждениях сам термин «закон», придавая ему другое значение. В новые (новозаветные) времена люди получили взамен заповедей Моисея законы (заветы) Иисуса Христа, в которых воплощены истина, справедливость и милосердие. Новые христианские законы, предназначенные для человеческого общества, установил великий и равноапостольный, христоролюбивый император Константин I со святыми отцами Первого Никейского собора⁴⁷. Они реализуются носителями верховной власти через княжескую правду, которая по своему содержанию должна соответствовать божественным законам, провозглашенным в Новом Завете. При этом осуществляющие новые законы христианские властители (цари и князья) сами должны действовать всегда по правде. Они «правдой облечены, крепостью перепоясаны, истиной обвиты, смыслом венчаны и милостью, как ожерельем золотым, красуются»⁴⁸. В своей деятельности правители обязаны выполнять все заветы Иисуса Христа: нагим давать одежду, алчущих накормить, жаждущих напоить, вдовицам оказывать помощь, странникам — пристанище, бездомным — кров. Всех обиженных защищать, а обижающих неизменно наказывать, но милостиво: «мало порань, но милостиво исцели, немного опечаль, но вскоре развесели», потому что «не может наше естество долго терпеть гнев [правителя], как прутье огня»⁴⁹.

Таким образом, возникает новое взаимодействие правовых категорий: *божественные законы*, содержащие Истину, выражающие справедливость и милосердие, превращаю-

⁴⁵ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 45.

⁴⁶ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 31.

⁴⁷ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 91.

Первый Вселенский собор был созван императором Константином I в 325 г. в городе Никея (ныне г. Изник, Турция).

⁴⁸ Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 99.

⁴⁹ Молитва // Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 110.

щие всех людей в ближних, соединяющихся в любви к Богу и друг к другу и выполняющих заветы (законы) Иисуса Христа (1); княжеская правда (2), непосредственно реализующая божественные законы в повседневной жизни через княжеские уставы, распоряжения и постановления, соответствующие по своему содержанию высшей справедливости, воплощенной в божественных законах.

Но в XII в. единое государство распалось на суверенные государства- княжества, не способные оказать военное сопротивление татаро-монгольскому нашествию, в связи с чем русские земли подверглись опустошительным набегам войск Чингиз-хана, признав его верховную власть.

Центр политической жизни откатывается на Северо-восток; русские земли начинают постепенно объединяться под властью московского князя. При великом московском князе Иване III (1462—1505) было окончательно сломлено ордынское иго в результате великого противостояния на Угре войск Ивана III и хана Ахмата, окончившегося полной победой московского великого князя (1480 г.). При нем успешно продолжается, начавшееся еще при его предшественниках, объединение земель под эгидой Москвы, в связи с чем во время его великого княжения территория Московского государства заметно увеличивается: к нему присоединились Ярославское и Ростовское княжества (1463—1468); по наследственной преемственности Москва получает Верею и Белозерские земли. В 1472 г. в состав Московского государства вошла Великая Пермь⁵⁰; в 1478 г. был присоединен Великий Новгород; в 1485 г. к Москве присоединилась Тверь; в 1489 — Вятка; в 1512 г., уже при Василии III, в ее состав входит Псков.

Московский великий князь приступает к государственно-правовому строительству объединенной территории, превращая ее в единое, сильное и независимое государство, с новой системой власти и управления; постоянным войском, подчинявшимся непосредственно

ему; единой судебной системой, отправляющей правосудие по общим для всей страны законам.

Период обретения страной независимости и выхода ее на мировую арену в качестве суверенного государства связан с большим подъемом культурного строительства на Руси. В литературе, как зарубежной, так и отечественной, до настоящего времени все еще распространяются мнения, представляющие Россию периода позднего Средневековья (XIV—XVI вв.), «черной дырой», в которую «не проникали лучи просвещения». Эти суждения восходят к распространенному еще в русской дореволюционной литературе заблуждению, согласно которому средневековая Россия воспринималась как страна «погруженная во мрак невежества». Причем подобной точки зрения придерживались даже такие выдающиеся писатели XVIII—XIX вв., как В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир и М. В. Ломоносов, и «даже А. С. Пушкин и В. Г. Белинский судили о русской средневековой образованности с большим пренебрежением, отрицая появление в русском обществе каких-либо прогрессивных веяний»⁵¹. К сожалению, пренебрежение к общекультурному уровню развития позднего Средневековья в России встречается и в современной отечественной литературе, и обиднее всего, что этим грешит такая наука, как история учений о праве и государстве⁵².

Между тем знаменитый русский философ Павел Флоренский еще в начале XX в. называл вторую половину XV — первую половину XVI в. золотым веком в истории русской культуры, оставившим свой след на всем дальнейшем ее развитии. Он считал, что ренессансная культура Европы закончила свое существование к началу XIX в., в то время как средневековая отечественная культура, и особенно отечественная общественная мысль, в силу присущих ей признаков: «целостность и органичность, соборность, диалектичность, динамика, активность, волевое начало, прагматизм (деяние), реализм, синтетизм и арит-

⁵⁰ Пермь начала колонизироваться и христианизироваться еще при Дмитрии Донском (1359—1389), но окончательно вошла в состав России в 1472 г. при Иване III.

⁵¹ Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.). М.: АН СССР, 1958. С. 9—11.

⁵² Так, например, в учебном пособии для студентов А. А. Акмаловой и В. М. Капицына «Истории политических и правовых учений» (М.: Юриспруденция, 2002. С. 69—78) «русская политическая мысль IX (? — Н. З.) — XVII вв.» изложена крайне конспективно, а главное — из этого раздела невозможно получить никаких сведений о том, когда возникла и как развивалась государственно-правовая мысль в России

мология, конкретность и самособранность» — сохраняет свое значение и до настоящего времени⁵³.

Общий интеллектуальный уровень позднего российского Средневековья получил свое выражение в философско-религиозной, филологической и политико-правовой мысли, способствовавшей созданию в XVI в. глобальных исторических, летописных и агиографических произведений: Царственная книга, Степенная книга, Летописецначала царства, Великие Минеи Четьи; столичное и региональное летописание.

В этот период появляется целая плеяда писателей и публицистов из духовной и светской среды. Среди духовных писателей особой известностью пользовались Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев; митрополиты Спиридон-Савва, Зосима, Макарий, Даниил, архиепископ Новгородский Геннадий, архиепископ Ростовский Вассиан (Рыло), архиепископ Вологодский и Великопермский Стефан; священники: Ермолай Еразм (церковь Спаса-на-Бору), Сильвестр (Благовещенский собор Московского Кремля); старцы Филофей (Псковский), Зиновий Отенский (Отня пустынь Новгородского края), Артемий — игумен Троице-Сергиева монастыря, игумен Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл, игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий и ряд анонимных авторов. Среди духовных лиц было много образованных людей — переписчиков книг (наиболее известные из них: Ефросин, Нил Полев, Нил Курлятев, Герман Подольный, Исак Собака и др.). Все они были высокообразованными людьми, способствующими сво-

ими трудами распространению просвещения среди широких кругов населения России.

Особенным взлетом отмечено развитие законодательства в XV—XVI вв. После принятия ряда Судебников (1497, 1550, 1589), а также общерусского законодательства середины и второй половины XVI в.⁵⁴ существенно изменяется терминология, обозначающая правовые категории. Термин «закон» начинает восприниматься в своем раннем, но несколько обновленном значении, выражая понятие о нормативном правиле поведения, принятом государственной властью, обязательном для исполнения всеми подданными государства и защищенном ее санкцией. В таком значении он входит в юридический словарь и бытовую лексику.

В результате возникает ситуация, при которой понятия «правда» и «закон» как бы меняются местами: у Илариона «закон» имеет божественный характер и, следовательно, по своему высокому теологическому статусу наделяется более широким объемом содержания по сравнению с «правдой», обозначающей только княжеское законодательство; соответственно, «закон» должен определять содержание «правды». В Московском государстве сложилась ситуация, при которой «закон» стал пониматься как конкретное обязательное правило поведения, принятое государственной властью, а «правда» приобрела значение всеобъемлющей справедливости, без какой-либо конкретизации, соответствующей по своему содержанию «истине без обмана, справедливости и добродетели»⁵⁵.

на протяжении целых восьми веков, ибо ей отведен незначительный объем, к тому же материал изложен даже без разделения на раннее и позднее Средневековье. Какую политическую мысль имеют в виду авторы, начавшие ее изложение с IX в., — не уточнено. О. А. Омельченко в учебнике по общему курсу предмета «История политических и правовых учений» (М.: Эксмо, 2006. 576 с.) обратился к рассмотрению политических и правовых доктрин русских мыслителей только начиная с XVIII в. В учебнике «История политических и правовых учений» под ред. В. В. Лазарева (М.: Высшее образование, 2008. Гл. 11) изложение материала по России начинается даже с XIX в., несмотря на полномасштабное освещение античной и западно-европейской средневековой государственно-правовой мысли.

⁵³ Игумен Андроник (Трубачев). Из истории русской мысли. Павел Флоренский // Литературная газета. 30.11.1988. № 48.

На вопрос, заданный Флоренскому о том, в какое время он хотел бы жить, он назвал предпочтительным именно вторую половину XV — первую половину XVI в.

⁵⁴ См.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века / подг. текстов Р. Мюллер; под ред. Н. Е. Носова. М.-Л.: АН СССР, 1986. С. 29—67.

⁵⁵ Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 2. Стб. 1355—1356.

Также В. И. Даль приводит: «Правда — истина на деле, истина во образе, во благе, правосудие, справедливость: творите суд и правду» (Даль В. И. Толковый словарь. М., 1955. С. 370).

Под «правдой» фактически начал пониматься весь правопорядок в государстве, как справедливый и законный, тогда как «закон» обозначал только отдельный нормативный акт, содержащий обязательное конкретное правило, исходящее от верховной власти. Общественное правосознание начинает оценивать текущее законодательство в зависимости от его соответствия или несоответствия «правде» как высшей справедливости, признаваемой необходимой в процессе законодательства и правоприменения всеми участниками властеотношения (властвующими и подвластными).

Таким образом, термин «правда» в позднее Средневековье, в Московском государстве расширил объем своего содержания, включив в него понятие о высшей справедливости применительно к оценке власти во всем ее объеме: реализации полномочий носителя верховной власти, деятельности государственно-правовых институтов и учреждений и всему корпусу издаваемых государством нормативных актов, а также характеристике всей судебной деятельности. Термин «закон», напротив, ограничил свое содержание, сведя его к обозначению только отдельных нормативных актов, содержащих конкретные правила поведения императивного характера, предписываемые государством и снабженные его санкцией, налагаемой на нарушителей. В результате термины и обозначаемые ими понятия как бы поменялись местами, сохранив при этом свою лексическую форму, что создает определенную трудность при изучении процесса формирования и эволюции правопонимания на протяжении всего Средневековья (XI—XVII вв.).

Диалектическое развитие правопонимания и терминологические обозначения входящих в него категорий представляют собой одну из сложнейших особенностей не только эволюции юридической терминологии, но и глубоких изменений в самом понятийном аппарате средневековых законодателей и мыслителей, без уяснения которого невозможно объективно понимать тексты юридического содержания — нормативные акты, постановления, распоряжения, декларации, договоры и т.д., так же как произведения мыслителей и публицистов, в которых эти нормативные акты полу-

чали легитимацию или, напротив, отвергались как не соответствующие «правде».

В таком значении термин «правда» употребляется в законодательстве XV—XVI вв. и получает отражение в доктринах средневековых мыслителей и публицистов.

В Судебнике 1497 г. слова с корнем «прав» встречаются в разных вариантах, но с одинаковым значением, удостоверяющим правомочность (законность) судебной деятельности и выдаваемых судом документов, причем они могут быть как в пользу государства (ст. 15 — взыскание пошлин за производство судебной деятельности), так и в пользу сторон в процессе: (ст. 17 — о правой грамоте, выдаваемой холопам; или ст. 18 — об отпускной правой грамоте). Недельщику за произведенное расследование и установление истины по делу положена двойная плата — «а на правду вдвое» по сравнению с простым вызовом его в суд; «доводчику», добывшему доказательства по делу, также положено оплатить не только за «хоженое и езд», но и «за правду по грамоте» (ст. 29). Деньги, положенные наместнику (боярину или сыну боярскому за кормление с судом), также должны быть выданы ему только по «правой грамоте»; особое значение придается в Судебнике «отпускной грамоте» (ст. 42), которая начинает действовать только при соблюдении всех означенных в законе условий (утверждение соответствующим должностным лицом, внесение определенной суммы за выдачу этой грамоты, наличие на ней печати).

При истребовании имущества из незаконного владения (виндикация) истец должен представить свидетелей, а при их отсутствии суду предлагается «ему правду дати», что означает рассмотреть дело по закону и справедливости (ст. 47).

Законодатель со всей очевидностью употребляет в этом Судебнике термин «правда» и все производные от него слова в значении «справедливый» и «законный». Приблизительно в таком же значении термин «правда» применяется и в Судебнике 1550 г. Все документы, подтверждающие правомочие сторон в споре, также называются «правыми грамотами» (ст. 2).

Обвинение в получении взятки и вынесении судьей неправосудного приговора под-

И. И. Срезневский рассматривал термины «правда» и «справедливость» как синонимы. В подтверждение этого тезиса он дает такие разъяснения: «правда — правый суд; судить в правду — справедливо» (Срезневский И. И. Указ. соч. Т. 2. Стб. 1353—1354).

лежит расследованию («обыску»); наступление ответственности судьи возможно только в случае подтверждения обвинения; если же проведенным по доносу «обыском» будет установлена ложность заявления и праведность судебного приговора, то ответственность возлагается на ябедника, но если обвинение в производстве дела «не по правде» и «не по суду» или написании «лживого» судебного протокола окажутся «правдой», то наказанию будет подвергнут судья или судебный работник («боярин или дворецкий или казначей или дьяк» — ст. 2—6). Статья 18 называет «праведником» человека, которому поручается установление правдивости показаний свидетелей («послуховых речей»).

В случае «оболжвения» судного списка судебным работником предлагается «послати на правду по дворского, и по старосту, и по целовальников, которые у того дела на суде сидели», т.е. опросить непосредственных свидетелей, и в случае подтверждения обвинения «истцов иск взяти на судье и пеню» (ст. 69).

Статья 25 обязывает судей устанавливать правду в случае обвинения кого-либо в двойном или более преступлении («бил и грабил»). Суду надлежит установить «правда ли бил» и «правда ли грабил», опрашивая свидетелей и приводя стороны к крестному целованию.

Выдаваемые судом документы, подтверждающие правомерность требований одной из сторон, также называются правыми грамотами. Правой грамотой называется и документ, в котором установлена плата наместникам и волостелям за их судебную деятельность (ст. 65).

В обоих Судебниках термин «правда» означал одновременно справедливость и законность, на основании которых суду предлагалось «рассуживать» все дела. В Судебнике 1550 г. впервые устанавливается и порядок принятия законов в государстве: «С государева доклада и со всех бояр приговору» (ст. 98). Это нормированное правило не было вновь

сформулированным законом, а представляло собой возведенный в закон обычай, ибо и раньше, до его принятия, все важные решения, в том числе и законы, принимались «всех общею думою» и с утверждением государя — «по государеву и великого князя указу и боярскому приговору»⁵⁶.

В Судебнике 1589 г. (Пространная редакция) первая статья полностью воспроизводит редакцию предыдущих статей Судебников 1497 и 1550 гг.: «А на суде друг другу не дружить, а недругу не мстить. А посулов не имати в суде». Но к этому тексту есть и весьма значимое добавление: «А на том велети судьям... *судити в правду истинную*», т.е. все судьи обязываются судить справедливо и по закону.

Несколько иная редакция по поводу обвинения кого-либо сразу по нескольким преступлениям («в бою и грабеже»). Суду предлагается расследовать каждое преступление в отдельности, и если обвинение «в бою» будет доказано, то наказывать обвиняемого «по его вине»; а при недоказанности второго преступления — в грабеже «дати ему суд и правду», не обвиняя его огульно во всем («а во всем не повинити»), если же «скажет он, что грабил, а не бил, то доправить имянно, что грабил...» (ст. 39)⁵⁷.

За дачу взятка судье истцы и ответчики наказываются позором: «На Москве по торгам проклинати их и во всех городах Московские земли и Новгородкия, по волостям, и по соборным церквам, и по выставочным проклинати, чтобы ищеи и ответчики судьям в суде посулов не давали» (ст. 202). Аналогичная статья есть и в Судебнике 1550 г. (ст. 37). В дальнейшем эта норма из законодательства исчезает.

Судьям предлагается во всех случаях решать дела «по обыскам» и «по речам» «бес поля и бес целованья» (ст. 216). В предшествующих Судебниках «поле» и крестоцелование рассматривались как правомерные виды доказательств, принимаемые судами. Но в 1556 г. был принят «Приговор о губных делах», в котором эти виды доказательств отменялись и судьям

⁵⁶ См.: *Штамм С. И.* Судебник 1497 г. М. : Юрид. лит., 1955. С. 13.

⁵⁷ Представляют интерес статьи, согласно которым должностные лица («дети боярские за которыми кормление»), в том случае если они получают «на кормление» противно тому, что им положено по книгам, то это квалифицируется как бесчестье для них; также и тем детям боярским, которые, находясь на государственном «жалованье» «емлют жалованье денежное» более того, что им положено по книгам, они также подвергаются бесчестию; равно как и поп, если и он получает «против волостного доходу», что от церкви на год положено, также и дьяк, и пономарь и проскурня (ст. 41—42; 61—62 и др.). В такой форме средневековый законодатель впервые предпринял меры борьбы с коррупцией (см.: Судебники XV—XVI вв. / подг. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. М. : АН СССР, 1952).

предписывалось все дела «вершити без поля и без целованья», принимая во внимание показания свидетелей со стороны как истца, так и ответчика, добытые в процессе расследования по делу старостами и целовальниками, которым предписывалось свидетелей обыскивать (допрашивать) «накрепко», различая при этом «слух, и видение и ведомо», и только на основании этих показаний суду надлежит «вершить дело», вынося правосудный приговор «по правде и справедливости»⁵⁸. Судебник 1589 г. учел это дополнение и воспроизвел его в ст. 216.

В Судебнике 1589 г. защита от произвола (от кого бы он ни исходил) обещана всем сословным категориям населения, даже «неописанному скомороху», а также «нищим, которые ис кусков ходят», «кликунам», «выблядкам», «блядям и видьмам», и только «тати и разбойники» и «зажигальники» лишены государственной защиты, «потому что они лихие люди» (ст. 64—71). В этом же Судебнике впервые появляется статья, в которой указывается, что судьи должны «всякие дела судити по сему Судебнику со дня его принятия», т.е. провозглашается обязанность судей судить только на основании действующего законодательства с указанием на отсутствие обратной силы закона (ст. 200—201). Подтверждается норма, на основании которой новые законы принимаются «з государева доклада и со всех бояр приговору» (ст. 201), а также принимается новый закон, на основании которого за совершение преступления подлежит наказанию любой человек, независимо от его социального и политического статуса: «А под суд даватися хто чей ни буди» (ст. 230).

Термин «правда» употреблен здесь в двух аспектах: во-первых, в качестве всеобъемлющей справедливости, во-вторых, — законности, выражаемой в требовании рассмотрения любого спора или уголовного дела на основании действующего законодательства.

Демократический характер Судебника 1589 г. выражен законодателем недвусмысленно.

Комплекс всех понятий, связанный с термином «правда», воспринимаемый в значении справедливости и законности, получил теоретическое осмысление и освещение в произведениях мыслителей, которые подробно рассмотрели все составляющие его аспекты.

В XVI в. тема «праведного суда» и конкретная организация судебного процесса «стояла в центре внимания всех выдающихся русских публицистов первой половины и середины XVI в. Она стояла прежде всего в центре политической практики периода, в начале которого появился Судебник 1497 г., а в середине Судебник 1550 г.»⁵⁹; в конце XVI в. Судебник 1589 г., а между ними корпус законодательства, принятого царями совместно с Боярской Думой⁶⁰.

Одним из первых высказался на эту тему Иосиф Волоцкий, заявивший, что царь «обязан ходить в заповедях (Бога. — Н. З.) и правдах (т.е. «грацких законах». — Н. З.)». Для объяснения необходимости реализации властных полномочий князем или царем «по правде» Иосиф предложил иерархически выстроенную классификацию всех правил поведения, соблюдаемых людьми. Самими главными среди них являются божественные законы; за ними следуют их святоотеческие толкования и разъяснения; затем новозаветные заповеди Иисуса Христа и постановления Вселенских соборов и, наконец, «грацкие законы», которые «размешаны со всеми этими»⁶¹. Следовательно, все божественные правила входят в содержание действующего положительного законодательства, т.е. «грацких законов», обуславливая обязательность их исполнения всеми людьми, под угрозой наказания, последующего не только от Бога, но и от государя. Иосиф Волоцкий выводил из этой классификации ответственность светского правителя не только за соблю-

⁵⁸ Приговор о губных делах. 22 апреля 1556 г. Ст. 2 // Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. С. 39.

⁵⁹ Клибанов А. И., Корецкий В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. С. 206. Историк обратил внимание, что «тема праведного суда принадлежит истории собственно юридической мысли», отметив также, что «она входит в круг центральных событий идеологической борьбы XVI в.», подчеркнув этой фразой недостаточное внимание к ней со стороны представителей именно «юридической мысли», т.е. историков права и правовых и политических учений.

⁶⁰ См.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. № 6, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17—48. С. 29—67.

⁶¹ Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1986. С. 486. См. также: Иосиф Волоцкий. Просветитель. М.: Валаамский Спаса-Преображенский монастырь, 1993. С. 324.

дение «грацких законов» всеми подданными, но и божественных законов (нравственных правил поведения), возлагая ответственность на государя и за их исполнение. Такая теоретическая постановка вопроса предоставила Иосифу возможность требовать от великого князя (в данном случае конкретно от Ивана III) преследования силами и средствами государства еретиков, являющихся нарушителями только божественных законов, объявляя их одновременно врагами не только церкви, но и государства.

Наиболее подробное теоретическое освещение схема взаимодействия правды — закона — справедливости — истины и благодати получила в произведениях Максима Грека.

До приезда в Россию философ жил в другой политико-правовой среде, но за время пребывания в России (1518—1556) он познакомился с традициями, на основании которых в течение длительного времени формировалось правопонимание, к тому же он хорошо знал западную юридическую культуру и на основании всего багажа своих знаний выразил в своих произведениях отношение к правопониманию и его основным компонентам: правде, закону, справедливости и истине. Максим Грек сумел понять и усвоить многозначность понятия «правды», под которым тоже стал понимать все формы законной и справедливой деятельности властей, сосредоточив свое внимание, на отправлении правосудия, поскольку считал, что судебная деятельность является главной функцией государства. Его знаменитая фраза о том, что государство это и есть «прав суд», стала крылатой и повторялась многими мыслителями на протяжении последующих веков.

Носителя верховной власти (князя или царя) он вводил в сферу законопослушания, полагая, что он сам, все его «соспешники», равно как и весь народ, обязаны подчиняться законам. Он неоднократно предупреждал властителей, что только соблюдение законов способно поддерживать порядок в обществе, в то время как «беззаконие» неизбежно приводит к различным «нестроениям» и беспорядкам, и в ко-

нечном итоге — гибели самого государства⁶². Совершенно недопустимо, когда правители и посланные ими на места «соначальники» совершают «всяческие беззакония и неправдования». «Правда возвышает народ, — глаголет мудрый Соломон, — а злоба (в данном случае слово употреблено в значении — беззаконие. — Н. З.) разоряет престолы сильных»; «царяющим» необходимо помнить, что «ничего потребнейше и нужнейше правды благоверно царствующим на земле не существует»⁶³. Правитель заслужит милосердие от Всевышнего только в том случае, если он вместе со своими помощниками будет править «подручниками правдой и правым судом и щедротами и кротостью ко всем вкупе нищенствующим»⁶⁴.

Максим Грек убеждал правителей, что им надлежит принять все меры к повсеместному соблюдению законов в государстве, даже если придется «шею свою положить за закон»⁶⁵. Царь не имеет никакого права незаконно реализовать свою власть, и особенно покушаться «на вещи подручников (подданных. — Н. З.), так как его власти есть пределы и один из них — охраняемое законом право частной собственности. Западный современник Максима Грека Никколо Макиавелли (1469—1527) в своих советах государю также отмечал недопустимость покушений на имущество подданных, расценивания подобные действия как грубейшее «беззаконие», которое он также приравнивал к злодеянию⁶⁶.

Максим Грек советует всем властителям и их «антипатам»⁶⁷ управлять своими подданными по заветам святых отцов и «градским законам», не совершая таких несправедливых деяний, как «мздоимство, расхищение имений и присвоение плодов чужого труда», полагая, что только соблюдение ими «правды во всем» наилучшим образом воплотит веру в Бога, ибо поступающий подобным образом человек сам уподобляется Богу.

Бог никогда не оставляет злодеяния без возмездия, также и земные власти обязаны неукоснительно преследовать и наказывать всех людей, преступающих законы. Обязательность

⁶² Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 14—15.

⁶³ Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 159.

⁶⁴ Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 349.

⁶⁵ Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 16.

⁶⁶ См.: Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 536.

⁶⁷ Антипат — правитель, наместник, в XV—XVI вв. — царский сановник, большой судья, воевода (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. С. 40).

«отмщения» со стороны государства всем нарушителям «градских законов» не подлежит сомнению, однако наказание должно совершаться в каждом случае в соответствии с виной преступника, притом «с кротостью и долготерпением»⁶⁸. Правитель, угодный Богу, всегда правит подданными, соблюдая правду, «не презирая обидимые», но обязательно наказывая обидчиков («восстанавливая на отмщение обидчиков»), проявляя при этом не только божественную ревность, но и человеколюбие, ибо само наказание направлено «на исправление (преступников), а не на их погубление»⁶⁹. Максим Грек в данном случае следует учению Аристотеля о наказании, усматривая в нем «образ врачевания», полагая что судьи должны со вниманием выбирать «лечение», соответствующее всем характеристикам преступника, с учетом не только тяжести совершенного преступного деяния, но и личности преступившего закон человека.

Справедливое управление подданными поддерживает авторитет великого князя внутри страны и внушает к нему уважение во внешнем мире. Если окрестные страны видят в деятельности правителя какой-либо державы «правду, сорастворенную со всякой кротостью», то все они «таковую державу любят и почитают... за ее правду и правость»; причем хорошего отношения заслуживает не только царь, но и «соправящие ему православные князья и бояре, безвозмездно суд судящие», с такой державой окрестные соседи всегда желают жить в мире и дружбе⁷⁰.

Это заключение как бы венчает все рассуждения Максима Грека о необходимости соблюдения в государстве правды, справедливости и законности, «сорастворенных милостью и кротостью», которые он противопоставляет глубоко осуждаемым им «неправде, несправедливости и беззаконию». Афонский мыслитель прямо связывал характеристику пра-

ведности деятельности правителя с наличием в государстве «правды во всем», прежде всего выражающейся в справедливых законах и деятельности немздоимных судов, обеспечивающих в стране «истинное правосудие», одинаковое по отношению «к правому и виноватому», независимо от их сословной принадлежности, занимаемых чинов и должностей.

Взгляды Максима Грека оказали большое влияние не только на его современное окружение, но и на последующие поколения. Следует признать, что во многих своих положениях они сохраняют свою ценность и до настоящего времени.

В анонимном произведении, написанном в середине XVI в., — «Валаамской беседе», также осуждаются «мздоимные власти и неправедные суды», утверждается, что власть свою царям необходимо реализовывать «в правду», заботясь «о правде, законе и о благоверии», а также «мире и тишине» в своем царстве⁷¹.

А. М. Курбский тоже осуждал неправый и мздоимный суд, имевший место в государстве в XVI в., особенно в период опричнины. В послании старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану (Муромцеву) он писал: «Нет таких слов, которыми можно было бы рассказать о неустройстве в государстве, о неправедном суде, о ненасытном разграблении чужого имущества»⁷². А. М. Курбский, осуждая творимые царем Иваном IV и его непосредственным окружением бессудные расправы над людьми, традиционно обращается к понятиям правды, справедливости и законности. Он ставит вопрос о том, что закон, принятый государственной властью, не всегда следует воспринимать как обязательное предписание и оказывать ему полное повиновение, если он по своему содержанию не соответствует «правде», т.е. тем критериям, которые должны характеризовать истинно законные и справедливые постановления государственной власти в христи-

⁶⁸ Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 347.

Иларион также убеждал Ярослава Мудрого, что наказание должно быть не только по вине, но и по силам наказуемому: «Мало накажи, а много помилуй, мало порань, но милостиво исцели, немного опечаль, но вскоре развесели...» (Молитва // Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 110).

⁶⁹ Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 184.

⁷⁰ Максим Грек. Указ. соч. Ч. 2. С. 338—339.

⁷¹ Беседа и видение преподобных отец наших игуменов Сергия и Германа Валаамского монастыря начальников / издана Н. Г. Моисеевой // Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.-Л. : АН СССР, 1958. С. 191—192.

⁷² Курбский А. М. Второе Послание Вассиану Муромцеву // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 2001. Т. 11. С. 509.

анском государстве⁷³. В исходных позициях правопонимания А. М. Курбского наличествует некоторое предугадывание дальнейшего развития представлений о тождестве права и справедливости и соответствии законов праву, понимаемому как воплощение принципов справедливости.

При современном рассуждении обо всех этих категориях необходимо учитывать, что правопонимание средневекового человека складывалось под влиянием религиозно-философского представления о соединении религиозного (нравственного) содержания с юридическим. Для большинства мыслителей XV—XVI вв. в связи с их религиозно-философским мировоззрением характерным является сближение юридических и нравственных категорий, иногда даже до полного их слияния. «Правда», воспринимаемая как высшая христианская справедливость, сближается с законом, нарушение которого рассматривается как несоблюдение требований христианской нравственности (в первую очередь), но одновременно и правонарушение, т.е. нарушение правил, изложенных в нормативных актах государства.

Так, например, у старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея (конец XV — начало XVI в.) понятия «правды» и «закона» почти сливаются: нарушения нравственности и преступные деяния перечисляются им в одном смысловом ряду. Такие уголовные деяния, как хищения («восхищение чужих имений»), клевета (ложный донос), преступная продажа людей («бысть продан от него человек»), преступления против правосудия («неправдою судил»), рассматриваются наряду с безнравственными поступками, не имеющими юридического содержания: «помыслил на кого злое», «унижение кому сделал», «злословил»⁷⁴ и т.п. Практически любое безнравственное деяние воспринимается Филофеем одновременно как несправедливое и незаконное. Законы государства в представлении Филофея, как и многих его современников, представляют только часть высшей правды, поддерживаемой силой власти, поэтому каждое преступление рассматривается прежде всего как нарушение нравственных правил, предписанных Новым Заветом (неисполнение или пренебрежение ими), а затем уже и как преступление запретов государства («градских

законов»). В связи с этим неизменно ожидается и устрашающее наказание от Бога, а затем и преследование от органов государства. Причем последнего может и не быть (из-за некачественной их работы), а первое воспоследует обязательно, если не в земной жизни, то в загробной, и никому этого наказания никогда не избежать.

Рассуждения о взаимосвязи правды и закона дополнялись в доктринах мыслителей еще и соединением правды и веры, восходящим по своему содержанию к библейским текстам. Эта формула под пером мыслителей и публицистов варьировалась в различных сочетаниях при сохранении ее главной составляющей: вера предполагает правду, а правда есть реализация веры в делах и поступках. Подобные рассуждения, как правило, сопровождались ссылками на высказывания апостолов Павла и Иакова. Павел в Послании римлянам писал, что закон верой не уничтожается, а утверждается, ибо перед Богом праведны только исполнители закона (Рим. 2:13; 13: 10); а Иаков доказывал, что праведная вера должна реализовываться в делах, ибо «вера без дел мертва» (Иак. 2:17). Праведное поведение включает в качестве обязательного компонента повиновение законам всех людей, но при этом законы должны быть справедливы.

Вера не может заменить правду, и если она лежит у ее носителей мертвым грузом, а не реализуется в праведном поведении ее носителей, то, несмотря на ее великолепное воплощение в церковном строительстве и соблюдении всех обрядовых правил богослужения, сопровождающихся звоном колоколов и громогласным богоугодным пением, «правды» в таком государстве нет.

Совмещение в правопонимании средневекового человека таких понятий, как правда, законность и справедливость обусловила нерасчлененность и взаимозависимость юридического и нравственного компонентов, в силу чего «правде», а через нее и законам в случае их соответствия ей приписывалась некая всеобщность, придающая им стабильность и одновременно высшую нравственную справедливость. Но вместе с тем признание того или иного закона не соответствующим правде открывало возможность критики действующего законодательства, вплоть до выдвижения тре-

⁷³ См.: Курбский А. М. Сказание о великом князе Московском. М.: УРАО, 2001. С. 93—94.

⁷⁴ См.: Малинин В. Н. Филофей и его Послания. Киев, 1901. Приложение. С. 128—144.

бования его изменения для приведения в соответствие с правдой и справедливостью.

И. С. Пересветов, испытавший несомненное влияние идей Максима Грека, в своих позитивных предложениях и критике российских «неустройств» очень часто обращался к понятию «правды», прямо связывая ее со справедливостью и законностью. Излагая свои идеи в форме аллегии, исходящей из противопоставления неправедного по вере «турского царства» праведному православному «греческому государству», объяснял военную победу Османской империи над Византией покровительством, оказываемым Богом «неверному, худому и малому народу» — туркам за соблюдение их «салтаном Магометом» «правды», которую он «в своей стране во всем ввел». Султан организовал справедливый сбор налогов чиновниками государства непосредственно в казну (т.е. пресек незаконное их присвоение наместниками и волостелями); хорошо устроил свои воинские силы: преумножил их и обеспечил всех воинов царским жалованьем из своей казны (достаточным, чтобы «прожить 3 году на год»); награждал воинов исключительно по их заслугам, а не по роду и племени; но главное «Магмет-салтан правый суд в свое царство ввел», чем «Богу воздал сердечную радость», потому что «Бог любит правду лутчи всего»⁷⁵.

Напротив, царь Византии Константин «гнулся правдой», вельможи его «нечисто богатели, а земля и царство плакали и в бедах купались»; вельможи его налоги «нечисто собирали и богатели»; кроме того, они «неправедно суд судили», ибо суд у них был мздоимный и несправедливый, и греки «с теми неправыми судьями в ересь впали... и во всем Бога прогневали», и Он за все это выдал греков «неверному народу — туркам... на поругание»⁷⁶.

На основании сопоставления якобы праведного «турского царства» «неправедной Византии» И. С. Пересветов проводил свою главную мысль: божественное покровительство и защита оказываются только тому царству, в котором «правда пребывает» и соблюдается «во всем». В «турском царстве» был справедливый и не мздоимный суд, ибо судьи там, в отличие от «греческого царства», судили всех людей по книгам, в которых «все вины расписаны», и об-

виняли по правде и справедливости: «любимого своего не пощадив нащед виноватого»⁷⁷.

Такому государству, по мысли И. С. Пересветова, Бог всегда покровительствует и помогает во всем, а главное — в одолении его супостатов (врагов), а те страны, где пребывает «неправда, несправедливость и беззаконие» и все люди терпят обиды от недругов, судебных «волоки» и неправедных судебных решений, божественного покровительства лишены. Рассуждения И. С. Пересветова абстрактны, все предложения по «введению правды» в государстве представлены в виде подражания порядкам, не существующим на самом деле в «турском царстве», но современники хорошо понимали, к какому государству автор относит все описываемые «нестроения», какие им предлагаются реформы по их исправлению.

У Зиновия Отенского в Послании к новгородскому наместнику великого князя Я. В. Шишкину изложена конкретная критика существующего в этом наместничестве правосудия, которая дается мыслителем на основе восприятия всех компонентов, утвердившегося в общественном правопонимании. Именно с позиций необходимости реализации «правды», справедливости и законности в деятельности судебной системы, а особенно — непосредственного вершения правосудия Зиновий критикует деятельность главного судьи Новгородского наместничества, самого великокняжеского наместника Я. В. Шишкина, и всей возглавляемой им судебной системы. Казалось бы, целью автора является только критика судоустройства и судопроизводства «на месте», но она захватывает и все теоретические и практические вопросы, связанные с этой темой, волновавшие всю страну. В отличие от Максима Грека и И. С. Пересветова, более широко рассматривавших понятие «правды» и способов ее реализации в разных областях государственной деятельности, Зиновий Отенский посвящает послание только критике правосудия и выявлению его причин. На основании рассмотрения недостатков судопроизводства в Новгородском наместничестве обсуждались такие теоретические вопросы, как ответственность главного судьи за деятельность всего судебного аппарата, находящегося на подвластной ему территории.

⁷⁵ Сочинения И. Пересветова / подгот. и публ. текстов А. А. Зимина. М. : АН СССР, 1956. С. 152—153.

⁷⁶ Сочинения И. Пересветова. С. 152—153, 160—161.

⁷⁷ Сочинения И. Пересветова. С. 153.

Отенский мыслитель находил весьма пагубной ситуацию, когда высокие начальники недостаточно надзирают за судопроизводством, «не возбраняют злу» и «не мстят «за такое губительство», как судебный произвол, и в результате «сия лютая множится в нас неправедными судами». Зиновий призывал «высоких начальников» повсеместно контролировать исполнение судьями своих полномочий и прежде всего следить за недопущением волокиты по делам⁷⁸; а также проверять и производство судебного следствия, допроса свидетелей, принесения присяги; наблюдать не только за вынесением справедливого (правосудного) решения или приговора, но и скорым его исполнением. Неисполнение решения (приговора) по делу Зиновий приравнивал к нерассмотрению самого дела. Будучи уверенным в честности самого дьяка Я. В. Шишкина, он призывал его следить за тем, чтобы вверенные его попечению судьи и все судебные чиновники одинаково относились к нищим и богатым, «ближнего пользы судом не искали», не брали бы взятки («мзды») и не освобождали бы виноватых, а «судили бы всем людям в правду»; добросовестно «обыскивали» (допрашивали) свидетелей и на основании их показаний выносили бы справедливый приговор по действующим законам⁷⁹.

Зиновий возражал против таких форм доказательств, как «поле», считая их архаичными и устаревшими; выступал он и против насильственного примирения сторон по инициативе судьи, усматривая в нем только «ленности покрышку» для судей или желание решить дело в пользу виновной стороны. «А что судья мирится велит истцом, то малая судьяна правда, занеже дружит виноватому, а правому грубит, велит силою отступить от правого своего», При таком примирении всегда будет обижен правый. Зиновий напоминал дьяку и всем судьям, что «обидимый [человек] заступления от насилующих требует. Да и от кого же еще ему ждать управы, как не от суда?» Судья для того и «на высоком судейском престоле сидит», чтобы творить суд и правду и «помогать обиженным людям, доколе творить суд может и его рука судной властью [способна] отомстить на обидящем»⁸⁰.

В публицистике того времени обсуждался вопрос о «милости виноватому». Зиновий доказывал, что милость к виноватому всегда оборачивается грубостью к правому — обиженному, однако он не исключал возможности применения милости к виноватому, но только после установления судом истины по делу и доказанности его вины. Суд может применить милость к подсудимому при вынесении

⁷⁸ Зиновий полагал, что допущенная судьей по делу волокита («а иные судьи... волочат дела по 5 или 6 недель»), даже если волокита произошла по техническим причинам (болезнь или смерть судьи, замена его другим судьей), то она всегда на пользу «лукавой стороне». Такой «лукавый» истец или ответчик сможет воспользоваться промедлением в судебном рассмотрении дела и «лесть сшити и оправитися, виноват будучи, послухи купити и правду искривити, и судью намздити и смерти предати суперника лукавыми человеки, и суд смешати... и иная многа злая и лукавая... зделати» (Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. С. 221).

⁷⁹ Классификация законов у Зиновия Отенского принципиально базируется на тех же основаниях, что и у Иосифа Волоцкого, но она включает и ряд дополнительных компонентов. Прежде всего он полагает, что законодатель любой страны при принятии законов должен учитывать географическое расположение страны и климатические условия (почти более чем за полтора столетия до Шарля Монтескье с его учением о роли географической среды и ее влиянии на форму правления и законы). В самой классификации Зиновий Отенский выделяет три группы. К первой относятся божественные законы, в которых непосредственно воплощена воля Бога. Это божественные заповеди, святоотеческие писания и постановления Вселенских соборов; вторую группу составляют «законы рождения земли своей», к которым он относит обычаи, сформировавшиеся в каждой стране в зависимости от географических и климатических условий. В третью группу входят государственные («градские законы»), которые приняты с учетом первых двух групп государственной властью (у Иосифа Волоцкого «с ними размешаны»). В «градских законах» он различает центральное и местное законодательство. Второе отличается учетом местных условий. При этом Зиновий подчеркивает, что божественные законы создавались Богом, но в них принимали участие отцы церкви и мудрые философы и даже властители (на Вселенских соборах), поэтому они содержат общечеловеческие правила, выработанные всей христианской цивилизацией, в силу которых они пригодны для всех народов и во все времена.

⁸⁰ Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. С. 222.

приговора и определении ему меры наказания. Более подробно к вопросу «о милости виноватому» Зиновий Отенский обратился в своем более позднем произведении «Истины показание к вопросившим о новом учении», поддержав свою прежнюю точку зрения о возможности применять «милость к виноватому» только при установлении его вины судом и при вынесении приговора. Здесь он уточнил, какие обстоятельства следует учитывать суду: личность преступившего закон человека — его возраст (старый или молодой), прежнюю характеристику (благопристойный или нерадивый), а также наличие или отсутствие умысла: случайное преступление («совершил по незнанию мимоходом») или со злым намерением причинил кому-либо обиду⁸¹. Само наказание он, как и Максим Грек, считал необходимым «лечением» («врачеванием»), категорически выступая против различия в наказаниях по социальному статусу лиц⁸².

Высказывания средневековых мыслителей в различных видах произведений: челобитных, повестях, сказаниях, посланиях и беседах, основанных на подобном правопонимании и правосознании, можно было бы и увеличить, но общий смысл у всех был одинаковым: все мыслители выступали за «соблюдение правды во всем», противопоставляя «правде, справедливости и законности» в качестве антитезы «неправду, несправедливость и беззаконие»; беззаконие воспринималось ими как абсолютное зло — злодеяние.

Следовательно, возможно обоснованно прийти к заключению, что в русской средневековой правовой теории было сформулировано многозначное понятие правды, которое оказалось пригодным для выражения правопонимания во все века.

Юрист К. А. Неволин (XIX в.), обращаясь к характеристике средневекового правопонимания, подчеркнул, что смысловое содержание понятия «правда» прошло через века и не утратило своего значения для Нового времени. В XIX в., писал он, «продолжается восприятие

«закона как бытия правды», ибо «закон по существу своему и есть правда», во всяком случае, должен быть тождествен ей⁸³.

Б. П. Вышеславцев (юрист XX в.) прямо утверждал, что впервые положения о соотношении права и нравственности, составившие ядро правопонимания в России, были сформулированы именно Иларионом в трактате «Слово о Законе и Благодати», образовав основу для его дальнейшего развития. Он отметил, что значение «правды» как особой смысловой категории в русском правопонимании, включающей в свое содержание не только юридические, но и философские и этические компоненты, не исчерпывается Средневековьем, а сохраняется в дальнейшем развитии юридического мышления и юридической практики в России⁸⁴.

Философ Н. А. Бердяев считал, что учение Илариона о соотношении Закона и Истины, никогда не исчезало из российского правопонимания, и даже теоретически было воспроизведено в «Кодексе строителя коммунизма». Действительно, в этом документе предусматривалось регулирование поведения людей до наступления коммунизма законами, принятыми государством, а при коммунизме ожидалось достижение всеми людьми такого высокого нравственного совершенства, при котором возможно полное отмирание законов и регулирование всех отношений в обществе только нормами морали⁸⁵.

Современный теоретик права А. В. Поляков отметил, что такие термины, как «истина» и почти непере译имое слово «правда», включающее в свое содержание понимание истины, а также личной и общественной нравственности, характерны для всего дальнейшего развития правовой теории, не исключая и настоящее время⁸⁶.

В российской науке историками и теоретиками права уже заявлено о необходимости обращения к теоретическому наследию прошлого как фундаменту общей науки о праве, поскольку в традиционных представлениях

⁸¹ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. С. 866.

⁸² Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. С. 864—865.

⁸³ Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. Киев, 1839. Т. 1. С. 23.

⁸⁴ См.: Вышеславцев. Б. П. Этика преображенного зрота. М.: Наука, 1999, С. 173.

⁸⁵ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. Гл. VIII. Христианство и коммунизм; Он же. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX—XX вв. // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 77—144.

⁸⁶ См.: Поляков А. В. Общая теория права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2001. С. 319.

о правде, законе, справедливости и истине и их взаимоотношениях можно найти ключ к разрешению современных научных дискуссий о соотношении права в широком смысле (принципы права) с правом в узком смысле (закон), ибо эта постановка проблемы вовсе не нова, а уже обсуждалась в России в течение нескольких веков. Принципиально очень похожие положения содержатся в некоторых современных правовых теориях, причем они представляются как новации в правовопонимании, без привлечения отечественных теоретических разработок на эту тему⁸⁷. Ссылки делаются на соотношение теории естественного и положительного права, разработанной в западноевропейских учениях XVI—XVIII в.⁸⁸, в то время как теоретически эта проблема была поставлена и обсуждалась в России значительно раньше.

Средневековые отечественные мыслители усматривали в конструкции соотношения «правды и закона» возможность критики существующего законодательства, а некоторые радикальные мыслители и деятели — даже обоснование невыполнения действующих законов, признавая их не соответствующими правде и противоречащими социальной справедливости и божественной истине (например, Феодосий Косой).

Всестороннее изучение процесса формирования представлений о праве, правде, законе и справедливости способно послужить теоретической базой для более углубленного понимания современными юристами одного из сложнейших феноменов в жизни общества, каким является право во всем многообразии его проявлений, принимая во внимание всю сложность эволюционных изменений во взаимоотношениях правовых категорий и их терминологического обозначения, требующих обязательного учета их исторического и современного содержания.

Конечно, прямого соответствия здесь может и не быть, но знать и в какой-то мере учитывать традиции правового мышления небесполезно, тем более, что они иногда проявляются с вполне уловимой преемственностью. Так, недавно в предвыборной речи кандидата в президенты была обещана народу «борьба с неправдой, несправедливостью и беззаконием». В такой форме неожиданно прозвучали слова, без изменения, составляющие смысловой ряд правовопонимания наших далеких предков, голос которых дошел до нас, передавая их надежды и чаянья, которые были и будут истинными во все времена и для всех народов, пока на Земле живет человечество⁸⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. / публ. Г. Н. Моисеевой. — М.-Л. : Аян СССР, 1953. С. 161—195.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М. : Искусство, 1984.
3. Зиновий Отенский. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину / вступ. ст. А. И. Клибанова и В. В. Корецкого // ТОДРЛ. М.-Л., 1961. — Т. XVII — С. 201—224.
4. Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. — Казань, 1863.
5. Золотухина Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии // Lex Russica. — 2016. — № 10.
6. Иларион. Слово о Законе и Благодати / вступ. ст. В. Я. Дерягина ; реконстр. и публ. текстов Л. П. Жуковской. — М., 1994. — С. 28—113.

⁸⁷ См: *Нерсесянц В. С.* Право и Закон. М. : Наука, 1983. С. 3 ; *Он же.* Право и правовой закон. М. : Норма, 2009. Гл. 1 : Концепция общей понятийной (либертарно-юридической) теории права и государства как методологической основы правового закона. См. также: *Философия права в России : сборник статей.* М. : Норма, 2009 ; *Мальцев Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999 ; *Козлихин И. Ю.* Право, закон и власть в современной России. М. : Норма, 2006.

Здесь не упоминаются учебники по теории права, в которых ставятся эти же проблемы, но, как правило, без упоминание об их возникновении и развитии в средневековой России.

⁸⁸ См., например: *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М. : Ладомир, 1994 ; *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. М. : Мысль, 1999.

⁸⁹ Из предвыборной речи В. В. Путина 24 декабря 2017 г.

7. *Иосиф Волоцкий*. Просветитель. М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993.
8. *Курбский А. М.* Второе послание Вассиану Муромцеву / пер. А. А. Цехановича // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб. : Наука, 2001. — Т. 11. — С. 498—514.
9. *Курбский А. М.* История о великом князе Московском / предисл. и пер. Н. М. Золотухиной. — М. : УРАО, 2001.
10. *Курбский А. М.* Предисловие к Новому Маргариту / пер. А. А. Цехановича // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб. : Наука, 2001.
11. *Максим Грек*. Сочинения : в 3 ч. — Казань : Казанская Духовная академия, 1860—1862.
12. *Малинин В. Н.* Филофей и его Послания. — Киев, 1901. Приложение. С. 128—144.
13. *Послания Иосифа Волоцкого* / публ. А. А. Зимина и Я. С. Лурье. — М. : АН СССР, 1959.
14. *Рогов В. А., Рогов В. В.* Древнерусская правовая терминология. — М., 2006.
15. *Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам* / подгот. к печ. Н. Н. Зарубиным. — Л. : АН СССР, 1932.
16. *Сочинения И. Пересветова* / подгот. текста и публ. А. А. Зимина. — М.-Л. : АН СССР, 1956.
17. *Ячменев Ю. В.* Правда и закон. Из истории российского правоведения. — СПб., 2001.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2018 г.

FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND ITS TERMINOLOGY IN THE RUSSIAN MEDIEVAL LEGAL CULTURE

ZOLOTUKHINA Natalia Mikhailovna — Doctor of Law, Professor of the Russian State University of Justice
nzolotuhina@list.ru
117418, Russia, Moscow, ul. Novocheriomushkinskaya, d. 69

Abstract. *The article scrutinises the process of formation and evolution of legal understanding during various historical stages of state-legal development in Russia during the early (10th-13th centuries, Kieven Rus) and late (14th-16th centuries, the Moscow State) Middle Ages. Jurisprudence possesses its own peculiarities of concepts formation and their terminological determination understanding of which makes it easier to objectively ascertain the content of normative regulatory acts and political and legal doctrines.*

The article shows the changes that took place with the acceptance of Christianity by Russia in the 10th century (in 988) and assimilation of Orthodox religious philosophy, the doctrine of dogma, ritual rules of worship and the corresponding terminology. In this regard, significant changes took place in the very conceptual apparatus of legislators and thinkers, as well as in the consciousness of the entire Old Russian society. Under the Byzantine religious tradition, the term "law" denoted concepts of a high order: the Law of God, the laws of the Old and New Testaments, the laws of Jesus Christ, the laws of the Ecumenical Councils, etc. But at the same time, in Byzantine political practice the term "law" was also used in a generalized legal meaning, i.e. to refer to the laws of the emperors.

Since in Rus, before the Christianity was adopted, the word "law" had been used for a long time to denoted specific rules of conduct for violation of which physical and material responsibility was envisaged, a certain wider and more specific meaning developed in its further Christian interpretation under the influence of which the term "law" expanded its content due to sacred motivation, but it did not lose its traditional legal value. As a result of gradually developing law-enforcement practice, the concept "law" of broader meaning (moral-religious) and the concept of narrower (legal) meaning coincided giving it a meaning combining both senses.

Keywords: *legal understanding, legal consciousness, justice, judicial system, judicial procedure, traditions, customs, law, truth, justice, verity, grace, wrong, injustice, iniquity.*

REFERENCES

1. Valaamskaya beseda — pamyatnik russkoi publitsistiki serediny XVI v. [Valaam conversation — a monument of Russian journalism in the middle of the 16th century]. G. N. Moiseeva Publ. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1953. P. 161—195.
2. *Gurevich A.Ya.* Kategorii srednevekovoy kultury [Categories of medieval culture]. Moscow, Isskustvo Publ., 1984.
3. *Zinovy of Otena.* Poslanie zinoviya otenskogo dyaku ya. v. shishkinu [The Epistle of Zinovy of Otensky to the Deacon Ya. V. Shishkin]. Foreworded by A.I. Klybanov and V.V. Koretsky. TODRL Publ., Moscow-Leningrad, 1961. Vol. XVII. P. 201—224.
4. *Zinovy of Otena.* Istiny pokazanie k voprosivshim o novom uchenii [The truth is the testimony to those who inquired about the new teaching]. Kazan, 1863.
5. *Zolotukhina N.M.* Istoricheskoe i sovremennoe znachenie politiko-yuridicheskoy terminologii [Historical and contemporary significance of political and legal terminology]. *Lex Russica*. 2016. No. 10.
6. *Hilarion.* Slovo o zakone i blagodati [A word about the Law and Grace]. Foreworded by V. Ya. Deryagin; reconstructed. and public. of texts by L.P. Zhukovskiy. Moscow, 1994. P. 28—113.
7. *Joseph Volotsky.* Prosvetitel [Enlightener]. Moscow, Spaso-preobrazhenskiy valaamskiy monastyr [The Savior-Transfiguration Valaam Monastery Publishing House], 1993.
8. *Kurbsky A.M.* Vtoroe poslanie vassianu muromtsevu [The Second Epistle to Vassian Muromtsev]. Trans. by A. A. Tsekhanovich. BLDR Publ. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 11. P. 498—514.
9. *Kurbsky A.M.* Istoriya o velikom knyaze moskovskom [History of the Grand Duke of Moscow]. Foreworded and trans. by N. M. Zolotukhina. Moscow, URAO Publ., 2001.
10. *Kurbsky A.M.* Predislovie k novomu margaritu [Preface to the New Margarit]. Tr. by A. A. Tsekhanovich. BLDR Publ., St. Petersburg. Nauka Publ., 2001.
11. *Maxim the Greek.* Sochineniya : v 3 t. [Works : in 3 parts]. Kazan, Kazanskaya teologicheskaya academia Publ., 1860—1862.
12. *Malinin V. N.* Felofei i ego Poslaniya [Filofei and his Epistles]. Kiev, 1901. Annex. P. 128—144.
13. *Poslaniya Iosifa Volotskogo* [Epistles of Joseph Volotsky]. Publ. by A.A. Zimin and Ya. S. Lurie. Moscow, The AS of the USSR, 1959.
14. *Rogov V. A., Rogov V.V.* Drevnerusskaya pravovaya terminologiya [Old Russian Legal Terminology]. Moscow, 2006.
15. *Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiyam XII—XIII vv. i ikh peredelkam* [The word of Daniel Zatochnik on the editions of the 12th-13th centuries and their alterations]. Ed. by N. N. Zarubin. Leningrad, The AS of the USSR Publ., 1932.
16. *Sochineniya I. Peresvetova* [Works by I. Peresvetov]. Ed. and publ. by A.A. Zimin. Moscow-Leningrad, The AS of the USSR Publ., 1953.
17. *Yachmenev Yu. V.* Pravda i zakon iz istorii rossiyskogo pravovedeniya [The truth and the law From the history of Russian jurisprudence]. St. Petersburg, 2001.